

ложены хаотично, без видимого смысла. Однако текст Р. организован и представляет собой монолог, диалог или полилог, в котором за множественностью голосов всякий раз звучит некий отдельный голос, ничем от других не отличающийся и потому звучащий полифонично: говорящий от своего имени и от имени всех др. голосов одновременно. Полифоническое начало порождает представление о хаосе, о «вавилонском столпотворении», где в основе лежит не просто смешение языков, но смешение смыслов, стилей, точек зрения, что являет, с одной стороны, языковую игру, с другой — один из возможных вариантов авторского представления о совр. мире.

«Каталожные» тексты Р. имеют собственную внутреннюю логику саморазвития, законы моделирования смысловых пространств, порождения субъектных миров. «Картотечный» принцип их построения заранее программирует и предопределяет то, что на последовательно расположенных карточках оказываются тексты, близкие друг другу не только по каким-либо формальным элементам (повторяющиеся слово, интонация, мысль, структура и т. п.), но и близкие по смыслу, а точнее, взаимозависимые на уровне смысла. Единство смысла не сразу уловимо и различимо, но оно формируется с первых строк-текстов, оформляется исподволь, незаметно, но неизменно. Взаимопоследовательность тривиально шаблонных речевых формул, их неожиданное разморасположение порождает новые смыслы и конструирует собственную поэтически-философскую модель мира, опорными точками которой у Р. становятся на содержательно-смысловом уровне постмодернистские относительность, хаотичность и алогичность, на формальном — концептуалистская диффузия стилей, игра на всех уровнях, растворение субъекта в объекте (и наоборот), стирание границ между автором и героем и т. д. Однако при всей внешней нетрадиционности формы поэзии Р. не деконструктивна, но созидательна, она не изымает смысл из слова, а порождает его. «Терпение и только терпение — или — только теперь начинаем что-то понимать <...>» (**«Это интересно, или Есть из чего выбирать»**).

В 1994 Р. был стипендиатом DAAD в Берлине. Лауреат мн. лит. премий, в т. ч. премии А. Белого за 1999 (в номинации «критика» за сб. эссе **«Случаи из языка»**), премии ж. «Новое лит. обозрение» «Новый сладостный стиль» за 2001 (в номинации «практика»), «Либерти» за 2003.

Обозреватель газ. «Коммерсант-Daily» (1995), «Еженедельного ж.», еженедельника «Политбюро», ж. «Итоги» (1996–2001). Д. Годер (заведующий отделом искусства ж. «Итоги»): «У Рубинштейна совершенно особый слух; замечает, что вывеска написана четырехстопным ямбом, а надпись на спичечном коробке похожа на перевод с японского <...> Рубинштейн — любитель „маленькой словесности“: заметок фенолога и „нармудов“ (народных мудростей) из отрывных календарей, сезонной лирики на этикетках, „концептуальных“ объявлений на забегаловках, „телефонного“ и „транспортного“ фольклора. Все это он называет „случаи из языка“».

В Интернете имеет «Авторскую колонку Льва Рубинштейна», где ведет рубрику «необязательных» наблюдений о культуре. Член русского ПЕН-центра. Живет в Москве.

Соч.: Маленькая ночная серенада. Мама мыла раму. Появление героя. М., 1992; Все дальше и дальше: Из большой картотеки. М., 1995; Регулярное письмо. СПб., 1996; Случаи из языка / илл. О. Флоренской. СПб., 1998; Домашнее музицирование. М., 2000.

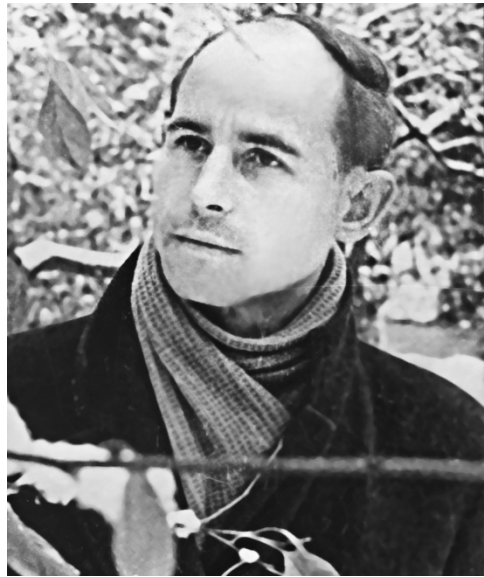
Лит.: Летцев В. Концептуализм: чтение и понимание // Даугава. 1989. № 8; Зорин А. Каталог // Лит. обозрение. 1989. № 10; Зорин А. «Альманах» — взгляд из зала // Личное дело №. М., 1991; Курицын В. Данный момент. О сочинении Л. Рубинштейна «Программа совместных переживаний» // Новое лит. обозрение. 1995. № 16; Васильев И. Русский лит. концептуализм // Русская лит-ра XX века: направления и течения. Вып. 3. Екатеринбург, 1996; Берг М. Последние цветы Льва Рубинштейна // Новое лит. обозрение. 1998. № 30; Александров В. Лев Рубинштейн — это Ницше из обычной коммунальной квартиры // Независимая газ. 2000. 25 мая; Эпштейн М. Постмодерн в России. Лит-ра и теория. М., 2000; Курицын В. Пустой Рубинштейн приглашает Вас внутрь Вашего тела // Курицын В. Русский лит. постмодернизм. М., 2001; Богданова О. «Прозо-драматургическая» поэзия Льва Рубинштейна // Богданова О. Постмодернизм и совр. лит. процесс. СПб., 2004.

О. В. Богданова

РУБЦОВ Николай Михайлович [3.1.1936, с. Емецк Архангельской обл. — 19.1.1971, Вологда] — поэт.

Предки Р. были крестьянами, оказавшимися в годы коллективизации в Вологде. Гонимые нуждой, они поселились в Емецке. Дом, где прошло самое раннее детство будущего поэта, стоял на старинном архангельском тракте. Здесь семья Рубцовых прожила всего лишь около года, переехав сначала в Няндому, а затем в Вологду. В годы Великой Отечественной войны Р. осиротел.

В 1942 умерла мать, а перед тем — две его маленькие сестры. В семье было еще двое детей — их разобрали родственники. Отец с 1942 по 1944 находился на фронте, больше о нем сведений не было. В 1943 Р. живет в детдоме, в с. Никольском Тотемского р-на. Учился он очень хорошо, получал грамоты, подарки. Но приносило страдание страшное одиночество. На всю жизнь осталось яркое, незабываемое воспоминание — одна воспитательница ласково погладила его по голове. В 1950 Р. уехал поступать в мореходное училище в Ригу, но не был принят, т. к. ему еще не исполнилось 15 лет; поступил в Тотемский лесотехнический техникум. Получив паспорт, устроился в Архангельске подручным кочегара на тральщике. Начинает писать стихи. Почти ничего из ранних опытов не сохранилось. В сент. 1953 приезжает в г. Кировск (Мурманская обл.), учится в горном техникуме; в 1955 приезжает в Ленинград. Отсюда был призван на военную службу во флот. В это время начинает относиться к сочинительству более серьезно. Во время военной службы в Североморске (1955–56) стал печататься в газ. «На страже Заполярья» и в альм. «Полярное сияние». Однако стремление походить на литератора-профессионала даже и тогда, когда поступил позднее в Лит. ин-т, давалось ему с трудом. По натуре Р. был бродягой. В 1960 он работает на Кировском заводе в Ленинграде, начинает заниматься в литобъединении «Нарвская застава». В 1961, когда вышел коллективный сб. «Первая плавка», где были помещены и его стихи, стал более уверенно выступать в аудиториях, в домах культуры, в общежитиях. Но образ жизни Р. вел беспорядочный, богемный. В 1962 с помощью поэта Б. Тайгина выпустил свою первую машинописную книжку **«Волны и скалы»**. Дружит с Глебом Горбовским. В авг. 1962 Р. сдал вступительные экзамены в московский Лит. ин-т им. А. М. Горького. Женится на Г. М. Меньшиковой, в 1963 родилась дочь. В эти годы Р. сближается с такими поэтами, как Владимир Соколов, Станислав Куняев, Анатолий Передреев. К Р. приходят и подлинное мастерство, и оригинальность. Судьба, однако, не становится более легкой: за дисциплинарные нарушения Р. отчисляются из ин-та, позднее он все же восстанавливается в нем. В 1963–64 Р. создает такие поэтические жемчужины, как **«Тихая моя родина...»**, **«Звезда полей»**, **«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»** и др. Дипломной работой Р. в Лит. ин-те становится знаменитая впоследствии книга **«Звезда полей»** (1967).

Н. М. Рубцов

В те годы, когда выступил Р., начинались жаркие споры — и на страницах печати, и в читательских аудиториях — о «деревенской» и «городской» поэзии, о лирике «тихой» и «громкой». Р., с его негромким поэтическим голосом и проникновенными одухотворенными пейзажными мотивами, быстро и без особых объяснений критика причислила к «деревенщикам», хотя деревни и деревенской жизни он не знал, а был, скорее, человеком городским, даже люмпеном. Но что-то проросло в его стихи из обрубленных и, казалось бы, забытых его семейных крестьянских корней. Именно оттуда у него такая нежная, преданная и неизбывная любовь к тому Есенину, который был певцом русского поля, реки и неба. Р., не подражая Есенину, всей своей поэтической душой ласкал Русскую землю. Такого восторженно-тихого взгляда русская природа после Есенина уже не чувствовала на себе. То был поистине прощальный поцелуй русской Музы — тихий и горестный, но не надрывный, как часто бывало у Есенина. Да и самый ритм стиха у Р. всегда приглушен, размыт, словно все ударные звуки куда-то исчезли, уступив место плавной и тихой мелодии, струящейся, как вода, меж редко расставленных слов: «Высокий дуб. Глубокая вода. / Спокойные кругом ложатся тени. / И тихо так, как будто никогда / Природа здесь не знала потрясений!» (**«Ночь на родине»**). Р. совсем не употребляет красок, цветковые эпитеты казались ему, по-видимому, тяжелыми, и он работал легкой

светописью — у него в стихах постоянное дрожание и проблескивание световых точек и струй: «Кругом шумит холодная вода, / И все кругом расплывчато и мглисто. / Незримый ветер, словно в невода, / Со всех сторон затягивает листья...» («**А между прочим...**»). Родной ему Русский Север, с его белыми ночами и зыблущимися прозрачными зорями, очень способствовал этому своеобразному поэтическому импрессионизму, характерному не только для его пейзажей, но и для лирики переживаний, где мерцание чувства и мелодическое колебание психологического рисунка, лишённого твердых очертаний, завораживает. Стихи Р. возникали из душевной глубины, они зарождались в лесах и полях, подобно облакам, медлительно проплывавшим в небесах истово любимой им России — Руси: «И откуда берется такое, / Что на ветках мерцает роса / И над родиной, полной покоя, / Так светлы по ночам небеса!» («**Чудный месяц...**»).

Судьба Р. сложилась так, что он, как когда-то Г. Сковорода и В. Хлебников, почти всю жизнь не имея угла, скитался по стране, от села к селу, от деревни к хутору, просясь на ночлег, а то и располагаясь в стоге сена где-нибудь в поле под звездами. Живя в заброшенных деревнях или ночуя в поле, он всегда был ближе к Богу, рядом с Богом, чем любимый им Есенин. Божье имя, при всей своей тяжкой жизни, он ни разу не произнес всуе, а в развалившиеся за безбожному времени церквушки и часовенки заходил с благоговением. Вряд ли он знал молитвы — некому было обучить, но в его лироэпических стихах широкого национального размаха, например в «**Видении на холме**» (1962), таится и едва ли не выходит наружу почти литургическое начало: «Россия, Русь — / Куда я ни взгляну! / За все твои страдания и битвы / Люблю твою, Россия, старину, / Твои леса, погосты и молитвы...»

Многочисленно обсуждавшаяся в годы становления и краткого расцвета Р. коллизия «город — деревня» вряд ли, как теперь видно, имела столь уж прямое отношение к автору «Звезды полей». В бытийном смысле Р. не только конец деревни видел, а почувствовал возможный предел всего и всему, апокалипсичность всей эпохи. Вот почему в своих странствиях он так упорно искал островки неисчезнувшей земной тишины и чаще всего находил их в заброшенных деревнях: «Прощальной дымкою повиты / Старушки избы над рекой. / Незабываемые виды! / Незабываемый покой!» («**В святой обители...**»). Р., можно сказать, был поэтом последних островков разламывавшейся на части и уже по-

гружавшейся в пучину земной Атлантиды. Он воспевал клочок земли, омываемый уже смертными водами, прославлял деревцо, травинку, прямой солнечный луч, не взметенный реактивным ревом. Его заслуга как поэта состояла в том, что он славил и воспевал эти последние (по внутреннему поэтическому ощущению) минуты человеческого тихого счастья у некоей грозной черты — накануне, возможно, гибели всех людей: от войны ли, от мора, от вселенской ли катастрофы.

Самые основы рубцовского эмоционального, интеллектуального и поэтического мира пронизывала почти незатаившая и очень редко уходящая из его стихов боль — то была, помимо, так сказать, «всемирной», «онтологической», еще и боль личного сиротства, он был из «подранков», оставленных своим безжалостным временем.

Но Р. неизменно противопоставлял этому трагедийному ощущению внутреннюю мужественность своей души, которая подкреплялась выношенным убеждением в прочности и даже логически необъяснимой, но интуитивно угадываемой неколебимости русской национальной тверди. Именно этим объясняется его постоянный и все углублявшийся интерес к истории страны («Видение на холме», «**О Московском Кремле**» и др.). В своих пейзажах, проникнутых чувством исторического времени, Р. находил прежде всего устойчивые, пусть и сглаженные природно-национальные и — принципиально — по его представлениям, неразрушимые основания. Рубцовская деревня — это широкое понятие: оно лишено, как правило, топографической прикрепленности, она — Родина-мать в глубинном и возвышенном значении этого слова. Р.-сирота признал матерью всю свою родную землю, со всеми ее, по его выражению, «окрестностями» — деревенскими и городскими в равной мере.

Р. был убит в момент ссоры близкой ему женщиной. Слава шла за ним медленно и благословила его уже после смерти. В 1985 в Тотьме был открыт памятник поэту.

Соч.: Волны и скалы / издатель и сост. Б. И. Тайгин. СПб., 1974. (репринт машинописного экземпляра); Звезда полей: стихи. М., 1967; Душа хранит. Архангельск, 1969; Сосен шум. М., 1970; Зеленые цветы. М., 1971; Избранное. М., 1982; Лирика. М., 1984; Русский огонек: Стихи, переводы, воспоминания, письма: в 2 т. Вологда, 1994.

Лит.: Коняев Н. Николай Рубцов. М., 2001. (ЖЗЛ); Викулов С. О Николае Рубцове и его стихах // Рубцов Н. Последний пароход. М., 1973; Венок Рубцову. Стихотворение. Отрывки из статей, выступлений и книг писателя. Сургут, 2001; Кожин В. О Николае Рубцове //

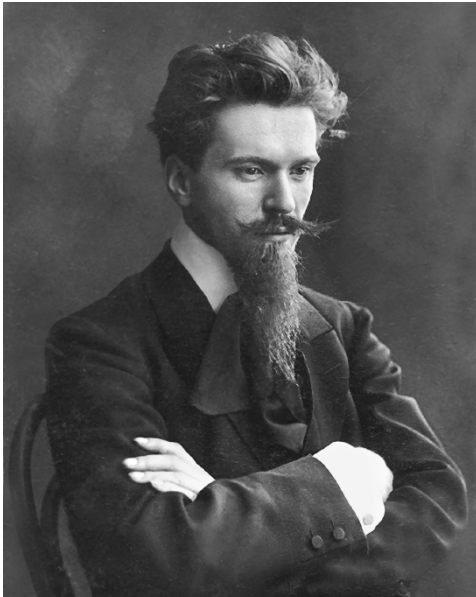
Рубцов Н. Стихи. М., 1986; Старичкова Н. Наедине с Рубцовым. Вологда, 2001; Павловский А. Время и родина в творчестве Н. Рубцова // Русская лит-ра. 1986. № 2; Коротаев В. Вступ. статья // Рубцов Н. Видение на холме: Стихи, переводы, проза, письма. М., 1990; Воспоминания о Н. Рубцове. Вологда, 1994.

А. И. Павловский

РУКАВИШНИКОВ Иван Сергеевич [3(15).5. 1877, Нижний Новгород — 9.4.1930, Москва] — поэт, прозаик, драматург.

Происходил из старообрядческого рода торговцев железом, миллионеров. В детстве много болел. Воспитывался в Нижегородском дворянском ин-те, но из-за туберкулеза после окончания 3-го класса прервал учебу для лечения в кумысолечебном заведении. Позже вернулся в ин-т, но в 1892 снова оставил. Полгода жил в Ментоне, затем в Тироле, где лечился в туберкулезных санаториях. Вернувшись, экстерном окончил гимназию, занимаясь также живописью.

Р. начал писать стихи в школьные годы. Публиковал их в газ. «Нижегородский листок». В 1898 напечатал первое прозаическое произведение — повесть **«Семя, поклеванное птицами»**, в котором рассказывалось о болезненном юноше из богатой семьи, мечтавшем о лит. славе. Повесть отчасти имела автобиографическую основу. В худож. отношении она была слабым подражанием прозе М. Альбова.

И. С. Рукавишников

В 1900–01 Р. учился в Петербургском археологическом ин-те по специальности «археология». В это время на основе принципиальных идеологических разногласий порвал с семьей, что сказалось на материальном положении Р. Он переехал на жительство в Петербург, где сблизился с лит. группой писателей-«знаньевцев», группировавшихся вокруг М. Горького. Стал печататься в сб. товарищества «Знание» и в ж. демократической и символистской ориентации («Весы», «Золотое руно», «Образование», «Нива» и др.).

В раннем поэтическом творчестве Р. был под влиянием поэтов «чистого искусства» и К. Бальмонта. Темы болезни, одиночества лирического героя, смерти — центральные в его 1-й книге **«Стихотворений»** (1901).

Воздействие лирики французских «проклятых» поэтов и «старших» символистов определило поэтику и тематику 2-й книги **«Стихотворений»** (1902). Не отрицая одаренности Р., рецензенты расценили его книгу как результат моды на декадентство. Лирический герой 3-й книги **«Стихотворений»** перешел от погружений в сатанинские бездны к ожиданию просветленной неземной любви. Усилилась сюжетность лирики, произошел переход к балладной форме. Рост поэтического мастерства Р. отметил В. Брюсов, указав, что «в его „третьей“ книге много интересных попыток: пробы свободного стиха, искания новых впечатлений в повторении слов» (Весы. 1904. № 4. С. 62). Композиционное единство, последовательность тематического развития и общность худож. оформления позволяют видеть в трех первых поэтических книгах Р. трилогию.

Р. восторженно отнесся к революции 1905, но его политические убеждения были крайне неопределенными, а стих., посвященные этой теме, были полны ходульной риторики — **«Кто за нас — иди за нами!»** (1905), **«Три знамени»** (1906) и др.

Р. оставался в русле символистских тем и поэтики и во второй половине 1900-х. Герой 4-й книги **«Стихотворений»** — поэт, одинокая личность, преодолевающая земную страсть и восходящая к надмирным ценностям. Критик А. Измайлов писал, что основным настроением Р. стало «исполненное почти непомерного пафоса заявление о своей пророческой миссии <...>». Книгу стихов Рукавишникова надо выжать. Тогда она уменьшится в объеме наполовину, но много выиграет содержательно» (Новая иллюстрация. 1907. № 8. С. 63–64). Брюсов отмечал: «Боимся, что Ив. Рукавишникову так и суждено остаться растрепанным романтиком с декадентски-